

Он вдруг осознал, что это был самый быстрый период восстановления за всё время.

Спустя несколько дней Гао Тяньюэ, завершив командировку, вернулся в Кризисное бюро, покрытый пылью дорог, с намерением забрать домой немного драгоценного чая Цзинь Цзюнь Мэй, который берег для особых случаев.

Цинь Гэ ждал его за дверью кабинета.

Гао Тяньюэ сразу почувствовал усталость, его рука дрожала, пытаясь вставить ключ в замок, но безрезультатно.

— Директор Гао, давайте я вам помогу, — предложил Цинь Гэ.

— Цинь Гэ, давай обсудим всё завтра, хорошо? Я только что вернулся.

— Завтра мы будем говорить о другом.

— Отдел регулирования создаётся в апреле, не торопитесь. Все документы, которые нужно подписать и заверить, я точно не задержу.

Цинь Гэ поспешил объяснить:

— Дело не в Отделе регулирования. Во время патрулирования моря сознания Пэн Ху я обнаружил кое-что, что связано с десятками жизней.

Гао Тяньюэ замер, его лицо побледнело, и он пристально уставился на Цинь Гэ. Последний заметил, что веки Гао Тяньюэ, как и его собственные, начали дрожать при ощущении опасности.

С тяжёлым вздохом дверь кабинета наконец открылась.

В этот же момент, этажом ниже кабинета директора Кризисного бюро, Бай Сяюань перегородила путь Лэй Чи.

Лэй Чи, вернувшийся вместе с Гао Тяньюэ, также был покрыт дорожной пылью, но его дух был куда бодрее.

Он нахмурил густые брови, оглядывая Бай Сяюань:

— Вы...?

Бай Сяюань представилась, затем, убедившись, что в коридоре никого нет, схватила Лэй Чи за руку и попыталась затащить в соседнюю переговорную.

Но сдвинуть его с места не удалось.

Лэй Чи был высоким и крепким, его ноги словно вросли в пол, и Бай Сяюань не могла сдвинуть его ни на сантиметр.

— Что вы хотите?

— Разве не очевидно, что я хочу поговорить о чём-то секретном?

Лэй Чи снова нахмурился:

— Я не люблю слушать секреты.

— Но этот секрет вы обязаны услышать. Господин Лэй, заходите, не бойтесь, в переговорной есть камеры, я не стану к вам приставать.

С трудом уговорив Лэй Чи войти, Бай Сяюань сразу же достала из рюкзака отчёт, который они с коллегами писали несколько ночей подряд, многократно редактируя.

Лэй Чи сначала не придавал этому особого значения, но, пролистав половину отчёта и выслушав дополнительные детали от Бай Сяюань, его выражение лица постепенно изменилось.

— Вот как обстоят дела, — объяснила Бай Сяюань. — У Отдела регулирования нет полномочий для расследования и исполнения. Можете ли вы дать нам совет? Этот отчёт уже достаточно полный? Какие части нужно подчеркнуть или дополнить?

— Достаточно, — сказал Лэй Чи. — Очень подробно. Не беспокойтесь о сроке давности, можно подать на утверждение в высшую прокуратуру, шансы есть. Это дело... шокирующее, такое же ужасное, как дело с трупом в бетоне, которым я занимался.

Бай Сяюань с облегчением вздохнула.

Этот отчёт сейчас передаёт Цинь Гэ Гао Тяньюэ. Если директор одобрит расследование, он попадёт в Отдел уголовного розыска Кризисного бюро. Лэй Чи как раз из этого отдела, и если он говорит, что отчёт достаточен, значит, так оно и есть.

— Большое спасибо, как-нибудь наш начальник угостит вас ужином, — улыбнулась Бай Сяюань, достала из кармана две конфеты, положила их в руку Лэй Чи и забрала толстый

отчёт. — В приложениях только заголовки, мне нужно подготовить материалы, чтобы потом передать всё полностью.

Лэй Чи посмотрел на конфеты в руке:

— Я думал, вы собираетесь мне признаться в любви.

Бай Сяюань как раз открывала дверь и, услышав это, удивилась:

— Почему?

— Со мной такое случалось несколько раз, — сказал Лэй Чи, глядя на переговорную. — Затаскивали сюда, под предлогом обсуждения дела признавались в чувствах.

Бай Сяюань...

Лэй Чи:

— Извините, я ошибся.

— Вы, конечно, очень симпатичный, но у меня есть парень, — засмеялась Бай Сяюань. — И я не рассматриваю межрасовые отношения.

Лэй Чи...

Бай Сяюань:

— У меня есть котёнок, он боится собак.

Лэй Чи:

— Я не собака... Я оборотень.

Бай Сяюань уже собиралась пошутить ещё, как вдруг сверху раздался глухой удар: кто-то сильно хлопнул по столу.

Прямо над переговорной был кабинет Гао Тяньюэ.

— Цинь Гэ! Ты вообще понимаешь, где твоё место?! — Гао Тяньюэ сжал кулак и несколько раз

с силой ударил по столу. — Отдел ментального регулирования занимается делами в «море сознания», а ты лезешь в уголовные расследования!

Цинь Гэ сидел напротив него, спокойный и невозмутимый.

Гао Тяньюэ поправил волосы, прикрывая лысину.

— Сообщать о найденных проблемах — это хорошая привычка, — сказал он. — Но твой способ работы ставит нас в неловкое положение. Что мне делать с тобой, с заместителем Цай, с Комитетом по делам особых людей и 267-й больницей?

Его гнев и вежливость сменялись слишком быстро, и Цинь Гэ знал, что ни то, ни другое не отражало истинных чувств Гао Тяньюэ.

Перед ним сидел уставший мужчина. Он провёл неделю в командировке на юге, где было жарко и влажно, и, казалось, даже похудел, вероятно, из-за непривычной еды и множества дел. Сейчас он, возможно, собрал последние силы, чтобы обсудить это дело с Цинь Гэ.

Цинь Гэ ждал следующей фразы Гао Тяньюэ.

Его молчание лишило Гао Тяньюэ возможности притворяться.

— Эх... — Гао Тяньюэ сменил тактику и начал говорить откровенно. — Цинь Гэ, дядя Гао знает тебя с детства. Я знаю, что ты молчаливый, но у тебя много мыслей в голове, и ты честный человек. Кризисное бюро нуждается в честных людях, иначе я бы не сделал тебя главой Отдела регулирования.

Цинь Гэ оставался бесстрастным, лишь слегка сжал губы, как бы отвечая на оценку Гао Тяньюэ.

— Но...

Цинь Гэ смотрел куда-то в сторону, явно отвлечённый.

Гао Тяньюэ произнёс несколько фраз, понял, что Цинь Гэ его не слушает, и нахмурился:

— Цинь Гэ, будь серьёзен. У тебя ещё что-то есть?

— Есть, — Цинь Гэ сразу открыл отчёт перед Гао Тяньюэ. — Пропущенные цифры на этой странице не потому, что мы не хотели их указать. Мы пока не можем их определить. Судя по количеству младенцев, которых я видел в «море сознания» Цай Миньюэ, она убила

девятнадцать детей.

Гао Тяньюэ уставился на Цинь Гэ, и тот понял, что это не взгляд, требующий замолчать.

— Хотя я видел только 19, но обстановка была слишком хаотичной, они постоянно появлялись, и я не мог разглядеть каждое лицо... К тому же Цай Миньюэ восемь лет работала акушером, приняв тысячи родов. 267-я больница — специализированная больница для особых людей, и число детей, убитых Цай Миньюэ, не меньше 50.

Цинь Гэ был твёрд и ясен в своей позиции. Он не собирался принимать никаких объяснений и намеревался сделать всё возможное, чтобы начать расследование против Цай Миньюэ. Гао Тяньюэ по его отношению понял, что он не позволит Цай Миньюэ продолжать жить как ни в чём не бывало.

Когда Гао Тяньюэ промолчал, Цинь Гэ добавил:

— Директор Гао, вы действительно считаете это мелочью? Врач, который убивает младенцев, которых сам принял. Человек, который, получив деньги и считая, что это избавит от страданий, безжалостно убивает беззащитных детей. Разве она не заслуживает наказания за столько жизней?

— Это, конечно, не мелочь... — тихо сказал Гао Тяньюэ. — Но я думаю о другом.

Цинь Гэ прекрасно понимал, что имел в виду Гао Тяньюэ.

Но он не собирался отступить и не собирался понимать.

Каждый на своём месте выполняет свои обязанности. Его работа и мышление отличались от работы и мышления Гао Тяньюэ.

Но именно поэтому существуют тысячи разных профессий и подходов.

Среди этого многообразия есть одна черта, которую нельзя переступать.

— Вы никогда не сомневались? — вдруг спросил Гао Тяньюэ. — Например, не думали о Цай Миньюэ или родителях детей.

— Нет, — Цинь Гэ удивился такому вопросу. — Никогда.